

**Ю. Ёкота**

# **Субмарины самоубийцы**

ББК 63.3(0)62  
Е45

Охраняется Законом РФ об авторском праве.  
Воспроизведение всей книги или любой ее части  
воспрещается без письменного разрешения издателя.  
Любые попытки нарушения закона  
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»  
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления  
художника И.А. Озерова*

**Ёкота Ютака**  
Е45 Субмарины-самоубийцы. Секретное оружие  
Императорского флота Японии. 1944—1947 гг. /  
Пер. В.Д. Кайдалова. — М.: ЗАО Центрполиграф,  
2005. — 317 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-85533-9

В этой книге рассказывается о человекоуправляемых торпедах — подводных камикадзе. В августе 1944 года Ютака Ёкота вызвался отдать свою жизнь ради обороны Японии. Ему предстояло управлять торпедой «кайтэн» и, направив ее в борт корабля противника, погибнуть при взрыве. Ёкота, невероятным образом оставшийся в живых, рассказывает об истории создания, обучении управлению и боевом применении торпед «кайтэн».

**ББК 63.3(0)62**

ISBN 978-5-521-85533-9

© Перевод,  
ЗАО «Центрполиграф», 2005  
© Художественное  
оформление серии,  
ЗАО «Центрполиграф», 2005

---

---

## **Глава 1**

### **Я ВЫЗЫВАЮСЬ ДОБРОВОЛЬЦЕМ НА ЗАДАНИЕ «БЕЗ ВОЗВРАТА»**

— Личному составу построиться перед главным ангаром!

Я проклинал громкоговоритель. Он постоянно отдавал мне приказы делать то одно, то другое. Одна лишь мысль утешала меня все те месяцы, которые я находился на базе военной авиации Цутиура. Если я смогу больше других продвинуться в боевой подготовке и закончить курс, то скоро избавлюсь от этого проклятого громкоговорителя. Тогда я сменю твердую землю базы на палубу авианосца, и у меня будет свой собственный самолет. И вместо этого черного раструба у меня появится новый враг — американцы.

Выбежав из казармы, я занял свое место в строю. Строился весь личный состав Тринадцатых летных курсов, все две тысячи человек. Замерев по стойке «смирно», я лишь взглядом следил за тем, как командир базы, капитан 1-го ранга Кэндзиро Ватанабэ, поднимается на возвышение трибуны. Человек с суровым взглядом и строевой выправкой, он был для всех нас образцом того, каким должен быть каждый офицер императорского военно-морского флота.

При полном молчании всего строя капитан Ватанабэ сделал шаг вперед. Поначалу я думал, что это будет одна из обычных патриотических речей, которых мы немало наслушались от наших преподавателей и инструкторов. В

том, что это отнюдь не так, меня убедило сосредоточенное выражение лица капитана Ватанабэ, а также несколько побелевшая кожа на его обычно загорелом лице. Он обвел взглядом строй курсантов в белой униформе, собравшихся на зов со всех концов авиабазы, и заговорил:

— С горьким чувством я должен сказать вам все это, но известия от наших сотоварищей — офицеров флота, находящихся на фронтах войны, — достаточно печальны. Превосходство в техническом оснащении и вооружении наших врагов над нами становится все очевиднее.

Августовское солнце, делавшее почти непереносимой летнюю жару на равнине Канто, обрушивалось на нас всей своей мощью. Я чувствовал, как по спине вдоль позвоночника текут струйки пота, но внимал каждому слову. Стояло лето 1944 года, и первые слова речи капитана 1-го ранга Ватанабэ отнюдь не были для нас неожиданно. Мы уже знали о сокрушительном поражении нашего военно-морского флота у Марианских островов пару месяцев назад. Наши силы, оборонявшие Гуам и Сайпан<sup>1</sup>, были выбиты с этих островов, а в морском сражении мы потеряли наши авианосцы «Сёкаку», «Тайхо» и «Хиё» вместе с четырьмя сотнями самолетов, находившихся у них на борту. После этого наше обучение стало более интенсивным, и мы все надеялись завершить его намного раньше запланированной ранее даты.

— Несмотря на всю доблесть наших соотечественников в ходе этой войны, — продолжал капитан Ватанабэ, и голос его становился все печальнее, — мощь наших врагов постоянно возрастает. Сайпан уже у них в руках, и мы испытывает огромные трудности со снабжением наших сил в Рабауле<sup>2</sup>.

Мы не должны закрывать глаза на суровую правду происходящего. Страна терпит поражения, одно за другим. Мы не можем больше позволить себе каких-либо шагов назад и уж тем более отступления. Если мы будем и дальше отдавать наши территории, то что, по

---

<sup>1</sup> С а й п а н — остров вулканического происхождения в Тихом океане, в числе Марианских островов.

<sup>2</sup> Р а б а у л — главный город и морской порт на острове Новая Британия, в архипелаге Бисмарка, в настоящее время входит в состав Папуа—Новая Гвинея.

вашему мнению, будет ожидать нас в будущем? Поэтому мы рассчитываем, что люди, подобные вам, не будут более отдавать наши земли. Мы рассчитываем, что вы отбросите врага назад. На вас уповают каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок в Японии.

Капитан Ватанабэ сделал долгую паузу, как всегда делают японцы, когда хотят обратить особое внимание на то, что они собираются сказать дальше.

— В эти дни серьезного кризиса на поле боя, — продолжал он затем, — наши военно-морские специалисты разработали новое оружие. Ничего подобного ранее просто не существовало. Будучи пущено в ход, оно может буквально ошеломить врага и принести победу нашей любимой стране. Оно уже испытано, и мы совершенно уверены в его эффективности. Теперь мы нуждаемся в людях, которые будут управлять этим оружием.

В воздухе снова повисла долгая пауза, а затем капитан продолжил свою речь:

— Я понимаю, что все вы стремитесь летать. Вы долго и напряженно готовились для одной только цели — подняться в воздух и сразиться там с врагами Японии. Именно поэтому мне тяжело просить вас прекратить вашу летную подготовку и стать добровольцами, которым предстоит управлять этим новым оружием. Но я ни в коем случае не стал бы просить вас принести эту жертву, если бы не был убежден в чрезвычайной значимости этого оружия. Оно может изменить весь ход войны!

Несмотря на строгую дисциплину, привитую нам во время нашего пребывания на базе Цутиура, тишина на несколько мгновений сменилась легким шумом: возбужденные этим сообщением курсанты перешептывались между собой. Курсант, стоявший в строю рядом со мной, повернул голову и прошептал: «Что это такое, Ёкота?» И тут же мощный и четкий голос капитана Ватанабэ снова зазвучал над сразу же замолкшим строем:

— Если среди вас есть люди, которые горят желанием спасти свою страну, подняться на борт этого нового оружия и ринуться в бой против наступающих врагов, они могут изъявить свое добровольное согласие. В настоящее время я не могу рассказать об этом оружии ничего другого, кроме того, что оно мощнее любого само-

лета, на котором вам пришлось бы летать. А теперь внимательно выслушайте то, что я вам сейчас скажу. Ваши командиры эскадрилий раздадут каждому из вас по листку бумаги. Если вы хотите добровольно сражаться этим новым оружием, то сверху листка напишите вашу фамилию и номер эскадрильи, а ниже изобразите два круга. Повторяю, два круга, если вы в самом деле страстно желаете стать добровольцем. Если же вы не испытываете такого глубокого желания, но готовы принести себя в жертву ради вашей страны, поскольку она призывает вас, изобразите только один круг. Это чрезвычайно важно, поэтому я повторяю еще раз: два круга, если вы горите желанием стать добровольцем, но только один круг, если вы всего лишь намерены исполнить свой долг. Тот, кто вообще не испытывает такого желания, но собирается продолжить летную подготовку, пусть просто повернет листок.

Новая волна шума, прошедшая по рядам выстроившихся на плацу, была подобна мягкому рокоту прибоя, набегающего на освещенный лунным светом берег. И снова твердый голос капитана Ватанабэ оторвал нас от наших дум.

— Должен сообщить вам еще одну вещь, — произнес он, — прежде чем будут розданы листки. Я должен сказать вам, что это оружие по своей природе таково, что тот, кто отправится с ним в бой против неприятеля, не может вернуться живым. Он непременно нанесет большой урон нашему неприятелю, выполнив свое задание, но, сделав это, отдаст свою жизнь. Поэтому как следует все обдумайте. Вы должны быть абсолютно уверены, что хотите этого, прежде чем вызоветесь стать добровольцами. Подумайте также, не будете ли вы потом жалеть, что не сделали этого шага. Пусть ваш дух будет ничем не замутнен, и вы тогда сможете полностью сосредоточиться на том, что вам предстоит сделать.

Листки бумаги были розданы, и курсанты покинули строй, медленно разойдясь и занявшись тем же самым, что делали до сбора. Кто-то вернулся к построенным в линейку самолетам, другие направились в комнаты для занятий, где мы по двадцать часов в неделю изучали теоретические дисциплины. Я двинулся к казарме и, пока

шел туда, прислушивался к обрывкам разговоров моих товарищей.

— Капитан, должно быть, китигаи!<sup>1</sup> Он не иначе как сошел с ума, если думает — люди добровольно пойдут на что-то такое, что сулит им смерть.

— Но пошлют ли нас сразу на фронт?

— Какой случай прославиться! Как будут гордиться родители и друзья!

— А я уже порвал эту бумажку! У меня есть любимая, и я хочу жениться на ней после окончания войны.

— Сколько же кругов нарисовать, один или два? Не хочу, чтобы кто-то подумал, что во мне не живет дух Ямато<sup>2</sup>. Я не меньше других люблю свою страну!

— А я уже решил — нарисую два круга! Подумай только, какое приключение! Да имена этих людей войдут в историю. Может быть, сам император пришлет личное извещение отцу и матери. Знаешь ли, такое уже бывало.

Все эти разговоры проходили мимо меня, никак не задевая. Я принял решение сразу, как только капитан Ватанабэ окончил обращенную к нам речь. Все время, пока он говорил, кровь горячо билась в висках. Его слова о поражениях Японии взбудоражили всю мою душу. Америка, Англия и Голландия пытались блокадой задушить мою страну и вынудили нас вступить в войну. Америке и Англии можно было расквартировать в Китае свои войска для защиты своих интересов, когда же о своих национальных делах позаботилась и Япония, она вдруг стала всеобщим врагом. Слова капитана Ватанабэ о возможной судьбе Японии придали мне смелость и решительность. Никто никогда не покорял мой народ, и я готов сделать все от меня зависящее, чтобы так было и впредь. Увидеть гибель моей страны и конец всей нашей культуры — никогда! И отнюдь не возможное личное извещение императора моей семье о моей смерти побудило меня принять решение.

Едва войдя в казарму, я тут же начертил на полученном листке бумаги два круга и отдал его командиру эс-

---

<sup>1</sup> Безумец (яп.).

<sup>2</sup> Я м а т о — древнее название Японии. «Дух Ямато» — истинно японский дух.

кадрильи. Возможно, мне повезет, и я стану первым добровольцем в своей эскадрилье.

Весь оставшийся день и вечер наша казарма напоминала растревоженный улей. Все пытались рассуждать о новом оружии. Сходились на том, что оно и в самом деле должно быть чрезвычайно мощным, если держится в таком секрете. На Цутиуре, как и везде, где расквартированы военные, секреты так или иначе просачиваются наружу. Но не в этом случае. Мы абсолютно ничего не слышали про это оружие, пока не прозвучала команда к общему сбору. Возможно, говорили мы себе, тайна эта столь велика, что даже капитан Ватанабэ знает далеко не все.

Вечером в казарме не было обычной возни, никто не упражнялся в дзюдо, никто не подначивал своих товарищей. Даже всем приевшиеся говоруны, надоедавшие нам сказками о будущих подвигах в воздухе, по такому случаю приутихли. Если они и заговаривали в тот вечер, то серьезно и негромко. А молчуны, тоже бывшие среди нас, вообще не раскрывали рта.

Я лежал в подвесной койке и глядел в потолок, почти не принимая участия в разговорах, которые продолжались еще долго после отбоя. Свой листок бумаги с двумя большими черными кругами на нем я уже сдал. Теперь я снова и снова думал о своем решении.

Всю свою жизнь я мечтал стать пилотом авиации императорского флота. Большой авианосец, стоявший в Токийском заливе, всегда был для меня самым прекрасным зрелищем. Подобно тысячам других японских мальчишек, я мечтал стать морским офицером, суровым и решительным, в ослепительно белой форме, с мечом — символом власти — на боку. Дважды я участвовал во вступительных экзаменах в военно-морское училище Этадзима. В первый раз я сдал письменный экзамен, но сплеховал на физической подготовке. Не желая отступать, на следующий год я снова подал заявление в это училище. Увы, оно было отклонено, просто потому, что при медосмотре у меня обнаружилось отсутствие нескольких зубов. Требования к поступающим в Этадзиму были очень строгими, и многие молодые люди, будучи в прекрасной форме, отвергались

из-за каких-то мелочей. В моем случае такой мелочью оказалось отсутствие трех зубов. От очкариков заявления вообще не принимались, и им оставалось завидовать даже тем, кто был хотя бы допущен до экзаменов.

В 1943 году, едва мне исполнилось восемнадцать лет, я оставил все надежды поступить в Этадзиму и записался в курсанты авиационного училища. Меня направили на базу Цутиура, в часе езды на поезде к северо-востоку от Токио. И вот теперь, проучившись почти год, я в одно мгновение отбросил свою мечту стать профессиональным пилотом. Мечту о небе я добровольно променял на это таинственное новое оружие. Что же это за оружие? Смогу ли я овладеть им? И сделаю ли этим оружием для своей страны больше того, что я смог бы сделать за штурвалом самолета? Мысли эти крутились в моей голове, но все же дневная усталость взяла свое, и я погрузился в сон.

На следующее утро я вместе со своими товарищами со всех ног бросился к доске приказов, на которой был вывешен список принятых добровольцев. В этом списке было и мое имя. Увидев его, я ощутил всепоглощающую радость. Я буду сражаться новым оружием! Я встречу с врагом лицом к лицу! Я ничуть не сомневался в этом. Застыв у доски приказов, я гордо принимал поздравления моих товарищей, которые хлопали меня по плечам и кричали: «Молодец, Ёкота!» Благодаря их поздравлениям, я испытывал странное чувство. Описать его адекватно я никогда бы не смог. Похоже было на то, словно я перешел из одного тела в другое и теперь смотрю со стороны на свое прежнее тело. Возможно, именно так чувствует себя человек, когда узнает, что скоро его жизнь покинет его тело, с которым он прожил столько лет. Чувство это, однако, скоро прошло, сменившись нетерпением. Скоро ли мы увидим это новое оружие? Как долго мы будем учиться овладевать им? И когда я встречу с врагом лицом к лицу? Ожидать этого чересчур долго я не хотел.

Из числа добровольцев было отобрано только сто человек. Столь малое число удивило меня, поскольку боевой дух курсантов базы Цутиура был так высок, что добровольно вызвалось, я уверен, не менее нескольких сотен. Около года нас усиленно готовили физически и

морально к тому, что нам предстояло, воспитывая в нас стойкость духа. Комплексы физической подготовки были долгими и напряженными, и каждый из нас пребывал в наилучшей форме. Нам было не привыкать ходить по снегу одетыми в одну только фундоси, белую набедренную повязку, носимую в Японии в качестве нижнего белья. Мы натренировали свои мышцы в долгих кроссах по пересеченной местности и в шестимильных гребных регатах. В этой области подготовки я был одним из первых, поскольку еще в средней школе полюбил подобные занятия. Мое увлечение спортом и стоило мне трех зубов, что закрыло мне путь в Этадзиму.

И на каждом этапе подготовки наши инструкторы не уставали напоминать нам о нашем национальном долге. Требования к нам были чрезвычайно высоки, практически мы постоянно пребывали на пределе физической и моральной выносливости. Свое влияние оказывали и плохие новости о неудачах нашего флота, просачивавшиеся на базу. Мы научились узнавать о них по тому, что голоса наших преподавателей и инструкторов становились еще более жесткими и напряженными. Все чаще и чаще они цедили слова сквозь стиснутые зубы:

— Только победить в войне еще не все! Вы должны наголову разгромить и стереть своих врагов с лица земли!

Мы воспитывались только в таком духе, особенно с тех пор, как лица офицеров базы день ото дня становились все угрюмее.

— Если будет необходимо, ты должен с готовностью пожертвовать жизнью ради империи!

— Когда есть выбор между жизнью и смертью, всегда лучше умереть!

— Нельзя понапрасну рисковать жизнью! Смерть должна быть целесообразной! Иди на смерть только тогда, когда ты можешь причинить ей урон врагу!

Подобные фразы, повторяемые офицерами и инструкторами несколько раз на день, транслируемые через громкоговорители, написанные на плакатах, развешанных по стенам и доскам приказов, даже в умывальнях и туалетах, способствовали закаливанию нашего духа. И по десятку раз в неделю каждый из нас слышал слова Мэйдзи, деда нашего императора, повторяемые с нео-